

**Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.**

Константин Симонов

Доброе Имя

Комедия в трех действиях,
пяти картинах

ФТМ

УДК 82-2
ББК 84(2Рос)-6
С37

*Файл книги для электронного и PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»*

Симонов, К. М.

С37 **Доброе имя : Пьеса / Константин Симонов. — М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2016. — 106 с. (Библиотека драматургии Агентства ФТМ, Лтд.).**

ISBN 978-5-4467-2317-1

В центре многонаселенной производственной пьесы «Доброе имя» разногласия коллег по поводу одного из «писем-сигналов», поступивших в редакцию. Толком не разобравшись в сути дела и не послав корреспондента в университет, из которого поступила жалоба на одного из преподавателей, газета поспешила опубликовать едкий фельетон, вследствие которого человек лишился должности. Получив многочисленные письма в поддержку преподавателя от его студентов, журналисты ведут себя по-разному: руководство и часть сотрудников считают, что опровержение фельетона испортит репутацию газеты и не реагируют, другие же — в первую очередь беспокоятся за судьбу человека, которого они, возможно, оболгали.

ISBN 978-5-4467-2317-1

© Симонов К. М.,
наследники, 2016
© Агентство ФТМ, Лтд., 2016

Действующие лица

Вера Ивановна Крылова — заведующая отделом писем в областной газете, 30 лет.

Дима — ее сын, 10 лет.

Василий Степанович Широков — разъездной корреспондент газеты, 37 лет.

Петр Петрович Брыкин — друг Широкова, заместитель редактора газеты, 38 лет.

Николай Борисович Черданский — исполняющий обязанности ответственного секретаря газеты, 45 лет.

Антон Андреевич Дорохов — редактор газеты, 45 лет.

Константин Акопович Акопов — заведующий промышленным отделом газеты, 48 лет.

Сергей Сергеевич Санников — литературный сотрудник, 22 лет.

Катя — секретарь отдела писем, 19 лет.

Тамара Филипповна — дежурный секретарь, 55 лет.

Анна Аветиковна — жена Акопова, акушерка, 50 лет.

Таня — жена Брыкина, 27 лет.

Илларион Алексеевич Трапезников — главный режиссер театра, под 60 лет.

Александра Викторовна Трапезникова — его жена, заслуженная артистка республики, 50 лет.

Андрюшин.

Пожилой человек.

Посетитель в очках.

Кронид Иванович Твердохлебов — доцент, геолог, 40 лет.

*Место действия — областной город в северной части
России.*

Время действия — наши дни.

Действие первое

Картина первая

*Однодневный дом отдыха в окрестностях областного города. Двухэтажный оштукатуренный дом. Веранда. Клумбы. Несколько скамеек и шезлонгов. Влево уходит аллея, направо виден штакетный забор, калитка. Вечереет. В шезлонге **Черданский** — крепкий мужчина с живым, подвижным лицом. Напротив него на скамейке **Санников**. Черданский сидит развалясь, с трубкой в зубах.*

Санников — весь внимание, преданно слушает его.

Черданский. Всю жизнь мечтал сидеть вот так после обеда, не спеша курить трубку... И не в однодневном доме отдыха, как сегодня, а каждый день. А вместо того всю жизнь жевал редакционные бутерброды и пил редакционные чаи. Но газета — это газета, Сережа, и настоящий газетчик ее не бросает, даже если черствые бутерброды и черствые

редактора укорачивают его жизнь. Настоящий газетчик так или иначе умирает в пятьдесят — в буквальном или в переносном смысле слова.

Санников. Ну, вы, Николай Борисович, по-моему, еще лет двадцать будете работать, как зверь.

Черданский (*усмехнувшись*). Тут? Как зверь? (*Набивая трубку.*) Конечно, на здешнем уровне моя старая газетная хватка выглядит чем-то особенным, почти опасным. А я живу тут вот уже десять лет и думаю: семечки! Разве так можно делать даже эту областную газету? Семечки! Курорт!.. (*Вдруг.*) Где у вас сердце?

Санников (*недоуменно прижав руку к груди*). Здесь.

Черданский. А сердце газеты не имеет определенного местопребывания. У газеты блуждающее сердце: оно то здесь, то там. И иногда оно, простите, бьется не в редакторском кабинете, а за скромным столом ответственного секретаря. (*С ироническим полупоклоном.*) Это, как говорится, не для стенограммы, но, пока я жив, получше приглядывайтесь и к моим достоинствам и к моим недостаткам; все вместе взятые они как раз и образуют то, что называется настоящим газетчиком.

Санников. Мне еще учиться и учиться!

Черданский. Ничего! У вас уже появилась газетная хватка. На последней летучке вы неплохо разделили Крылову за эти нудные читательские письма, которые она через мою голову все-таки сунула в газету! Верно выступили!

Санников. Я — как вы посоветовали. (*Вертит в руках трубку.*)

Черданский. Что это вы — перешли на трубку?

Санников (*неуверенно*). Перехожу понемногу.

Черданский. Тогда возьмите моего табаку. (*Протягивает кисет.*) Газетчик не может знать всего на свете, но взамен у него должно быть чутье. И тут уж одно из двух: или оно есть, или его нет...

Входит Широков — рослый, загорелый, слегка сутуловатый. Одет небрежно: грязные ботинки, подвернутые внизу старые брюки и хороший новый пиджак с набитыми всякой всячиной карманами. В руках у него удочки и полная рыбы авоська. Он чуть заметно навеселе.

Скажи-ка, рыболов, как, по-твоему, — нужно газетчику чутье или ему нужен только диплом о высшем образовании и любовь месткома за хорошее поведение?

Широков (*вешая авоську на спинку скамейки*). Любовь месткома — вещь полезная, но чтобы ее заслужить, нужно иметь хорошее поведение, которого у нас с тобой нет, так же как и достаточного образования. Остается ссылаться на чутье, что, как я вижу, ты и делаешь... (*Санникову.*) Сережа, говорил вам Николай Борисович, что газетчик умирает в пятьдесят?

Санников (*нерешительно*). Говорил...

Широков. Не верьте ему! Он преспокойно доживет до восьмидесяти.

Черданский (*усмехнувшись*). Откуда столь точные сведения?

Широков. Чутье бывшего фронтовика. Такие люди, как ты, не любят умирать раньше других.

Черданский. А такие, как ты?

Широков. А такие, как я, любят выпить по воскресеньям, в особенности если рыбалка, да такая хорошая, как сегодня. Такие, как я, предпочитают молча сидеть над поплавком (*подмигнув Санникову*), чем делиться с молодыми людьми своим незаконченным гимназическим образованием.

Санников (*с неожиданной решимостью*). По-моему, Василий Степанович, не только мне, но и вам еще есть чему поучиться у Николая Борисовича! (*Встает.*)

Широков (*миролюбиво*). А я уже. (*Кивнув на Черданского.*) У него ведь курс обучения годичный. За год все, что знает, расскажет, а потом все с начала — как шарманка! (*Черданскому.*) Верно я говорю?

Черданский. С рыбаками выпивал?

Широков (*добродушно*). Уха была!

Смерив Широкова уничтожающим взглядом, Санников уходит.

Черданский. Нашел при ком показывать свое остроумие!

Широков. А я нарочно. Дай, думаю, подорву твой авторитет, а то еще забьешь мальчишке мозги всякой чепухой... Хочешь, скажу, как по нотам, все, что ты ему говорил? Что газета у нас скучная. Что тебя не ценят. То ли дело было раньше — во время оно! И заголовки были гениальные и редактора